
Арина Вишневская
ОБЛОМКИ ЧУВСТВ
18+

Арина Вишневская
Обломки чувств

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74761831

Аннотация

Лихуа давно выстроила вокруг себя стену из язвительности и напускного равнодушия. После того как четыре года назад ее первый парень исчез без единого слова, она усвоила урок: никому не верить и ни к кому не привязываться. Работа в баре, учеба, тишина съемной квартиры – безопасная рутина, где нет места боли.

Все ломается, когда в ее жизни появляется Ян. Наглый, уверенный в себе парень из соседней кофейни упорно игнорирует любые отказы и умудряется шаг за шагом пробивать ее броню. Но когда из прошлого одновременно возвращаются старые кошмары и давно забытый интернет-друг детства, Лихуа приходится выбирать: продолжать прятаться за своими колючками или рискнуть и подпустить кого-то ближе.

«Обломки чувств» – это роман про нас. Про тех, кто с детства слышал дежурное «будь как все». Про страх открыть дверь, за которой может оказаться прошлое, и про странную привычку доверять далекому голосу в сети больше, чем людям вокруг. Про тех, кто готов на все, чтобы ничего не чувствовать – но чувствует сильнее всех.

Содержание

1. «Система» 4
2. «Быстрее» 25
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Арина Вишневская
Обломки чувств

1. «Система»

Завязать волосы, коротко глянуться в зеркало перед выходом, повернуть в замке ключ.

Все это так привычно, рутинно, Лихуа выполняет действия уже на автомате. Знакомый серый подъезд, сбежать вниз по ступеням со своего второго этажа, толкнуть дверь – снаружи по-октябрьски дождливо и неприветливо.

Тесные одинаковые многоэтажки, узкие проходы между улицами, детские площадки в одинаковых дворах, за южным Орехово-Борисово выглядывают вылизанные белые новостройки. Одни и те же хмурые лица, ее тучная соседка с крошечной дрожащей собачонкой на тонком поводке идет мимо и, как всегда, вместо приветствия одаривает Лихуа надменным взглядом. Лихуа хочется в ответ ей оскалиться или хотя бы средний палец показать, но она молча проходит мимо, поправив наушники на голове.

В семь утра в московском метро уже страшная толкучка, на конечной станции Зябликово народ валит и валит, впихиваясь в узкие двери вагонов, с верхнего перехода на Красногвардейскую спускаются и тоже втискиваются в поезда. Ли-

хуа подолгу стоит на краю платформы и ждет возможности хотя бы в вагон зайти, не то что занять сидячее место.

Лихуа уже второй год живет в снятой миниатюрной однушке, ее многоэтажка стоит буквой «Г» и рядышком ютит автобусную остановку. В пешей доступности метро, тридцать пять тысяч за аренду, второй этаж, но вид из окна так себе: выходит на соседний дом и трассу за ним, а если на ночь не закрыть окно, то слышно проезжающие мимо машины, ведь Москва никогда не засыпает. Впрочем, для Лихуа этот вариант лучший. Лучше так, чем с родителями.

На станции Люблино Лихуа кое-как успевает выскочить из вагона: по утрам двери открываются секунд на двадцать, не дольше. На улице хмурое небо собирается разразиться октябрьским холодным ливнем, зонта Лихуа с собой не взяла, поэтому молча прибавляет шагу, сворачивая в подземный переход. На ней пальто грязно-серого цвета, смахивающего на пыльный асфальт, старенький клетчатый шарф. От стен звонко отскакивает эхо каблуков.

Продолжение привычной рутины. К половине восьмого Лихуа уже в баре, уже завязывает на себе фиолетовый форменный фартук с небольшим бейджиком «Лихуя» на груди с левой стороны. Через «я», потому что Лихуа работает с идиотами, плевавшими, как будет правильно. По утрам трафик небольшой: практически весь народ идет за кофе в кофейню напротив и толкается там. В баре Лихуа может предложить только шот с водкой и холодным кофе, но вряд ли это то, что

нужно с утра работающим людям. Им нужна малость – машинный кофе в бумажных стаканчиках с написанными маркером именами.

День идет привычно. Вся ее жизнь постепенно превращается в стабильность, а наступившая стагнация медленно, но верно скатывается в легкую деградацию. Повторяются раз за разом дни, мешаясь в один сплошной день сурка. Словно Лихуа застряла во временной петле.

Лихуа цепляет околоприветливые улыбки и обслуживает столы, Лихуа разносит заказы, записывая новые в помятый крошечный блокнотик карандашом, Лихуа сквозь зубы разговаривает с барменом – татуированным мужиком средних лет, отчаянно подбивающим ее на свидание.

«Да брось, Лихуа, азиаток у меня еще не было…»

Ну да, она же какая-то диковинка, а не человек. Имечко у нее дурацкое, это подмечает почти каждый посетитель, коверкая гласные и согласные как им вздумается.

Она уже перестает удивляться утренним посетителям, оказывается, люди любят выпить вне зависимости от времени суток и обязанностей. У кого-то смена в ночь, поэтому выпивают с утра. Кто-то вообще безработный. Впрочем, кто она такая, чтобы осуждать?

Лихуа несет за третий столик две порции мороженого (на улице холодный октябрь, но люди сумасшедшие, это она уже усвоила) и машинально подает салфетку, натыкаясь на сухое «спасибо». Ее коллега, тоже молодая студентка, о чем-то

воркует с парнем за пятым столом, и это тоже для Лихуа абсолютная рутина – ее сменщица флиртует буквально с каждым мужчиной, входящим в этот бар.

Бар «Сверхновая» заведение нарочито помпезное и яркое. Современный дизайн, неоново-розовая вывеска с летящей под ней звездой, потолки расписаны под космос. Форма у официантов фиолетовая, диванчики вокруг черных столов тоже фиолетовые, занавеси фиолетовые, Лихуа уже тошнит от фиолетового. Какой-то цвет уныния. Из еды подают они в большинстве своем закуски к алкоголю, повар у них – молодой парнишка, который, кажется, работу свою откровенно ненавидит, но остается на месте из-за хорошей зарплаты. В этом они с Лихуа похожи; в «Сверхновой» заведующая платит необычайно щедро. Но по утрам у бара есть серьезный конкурент – кофейня «Лофт» напротив. Выполненная в лучших традициях современных заведений с кофе, их вывеска белая, тонким завитушным шрифтом, по панорамным окнам ползет паутинка желтых гирлянд с крупными симпатичными лампочками. Насколько Лихуа видит отсюда, внутри у них за стойкой кирпичная стена, остальные же в приевшемся, но приятном глазу бежевом.

«Сверхновую» для работы Лихуа выбрала по простым критериям: щедрая зарплата и расположение. Работодательница и администратор в баре мало ее дергают и не спешат надоедать дружбами и разговорами (кроме бармена, но там тяжелый случай), поэтому Лихуа все устраивает.

Медленно накрапывает дождь, который собирался еще с утра. Лихуа лениво бежит глазами по страницам увесистого учебника культурологии, заранее готовясь к зимней сессии, чтобы не вылететь из университета. Это все тоже довольно привычно.

Однако именно этим октябрьским днем двухгодичная одинаковая система дает первый сбой.

Лихуа четко ощущает на себе взгляд, но не понимает откуда: немногочисленные люди за столиками мирно выпивают, кто одиноко уткнувшись в телефон, а кто смеясь в компании и чокаясь, повар на кухне чем-то гремит, бармен протирает стаканы стоя спиной к ней, а сменщица на перерыве. Она жмет плечами и хочет забыть, но зачем-то глядит в их единственное окно и тогда перехватывает поднадоевший за последние полчаса чужой взгляд. Прямиком из кофейни на нее смотрит парень. Темные волосы, одежда тоже, на груди, кажется, бейджик. Бариста, что ли?

Он, словив ответный взгляд, улыбается и подмигивает. Лихуа тут же закатывает глаза и отворачивается. Этого еще не хватало… Ей достаточно одного подкатывающего придурка-бармена и клиентов мужчин, ежедневно делающих комплименты ее ногам. Второго на постоянной основе ее психика не переживет. Возвращается сменщица, и теперь очередь Лихуа отправиться на заслуженные тридцать минут обеда.

В темной комнате для сотрудников две недлинные вешал-

ки для верхней одежды, холодильник, полка с микроволновкой и узкий прямоугольный стол. Прошлым вечером она не приготовила себе еды, поэтому придется потратить время на то, чтобы сходить в магазин неподалеку. Но лучше так, чем умереть с голоду и тоски. Набросив на себя серое пальто и не завязав шарф, Лихуа выходит на сырую улицу под моросящий неприятный дождь.

С финансами дела у нее обстоят нормально, Лихуа умеет экономить и откладывать, грамотно распределять расходы и управлять своими деньгами. Часть зарплаты сразу откладывается на аренду квартиры, еще часть на проезд, десятка на сберегательный счет, остальное – на еду. Продавцы внутри «Дикси» не менее серые и угрюмые, каждый из них на своей смене скорее функция, чем человек, и именно это самая сложная часть работы в сфере обслуживания, Лихуа не понаслышке знает. Знает, каково быть просто частью заведения, персоналом без характера. Взять себе на перекус – тоже привычно, рутинно. Как всегда рука тянется к двум сырным слойкам и апельсиновой газировке.

На выходе Лихуа сталкивается с кем-то, едва не врезаясь. Поднимает голову вверх – а это необычно, она со своих ста семидесяти двух сантиметров росту уже попривыкла смотреть вперед или вниз – и встречается взглядом с парнем. На нем черное пальто, неприметная темная одежда, волосы тоже черные, цвета вороньего крыла. Какой-то он бледный, но довольно симпатичный: лицо чуть смазливое, ямоч-

ка на подбородке, прямой длинный нос, ровные черные брови. Под глазами тени болезненные, будто не спал давно. На левом ухе индастриал, на правом два кольца в мочке. Глаза у него пронзительные и эмоциональные, темного, глубокого зеленого цвета, как болото, они живо блестят на лице, невольно приковывая взгляд. У москвичей, особенно коренных, взгляд другой – сосредоточенный, направленный куда-то вглубь себя, занятый мыслями о самом себе и своей наверняка важной деловой жизни. Лихуа анализирует парня за несколько жалких секунд.

Симпатичный. Она сразу мысленно отметила его широкие плечи.

Симпатичный. Но…

– Извините, – ровно говорит Лихуа и двигается, чтобы его обойти.

Парень двигается тоже, перекрывая ей путь тем самым своим широким плечом. В его руках она замечает белый бумажный стаканчик из «Лофта» с именем и какими-то цифрами.

– Привет. Ты же в «Сверхновой» работаешь?

Голос у него тоже достаточно приятный. Не низкий и не высокий, идеальная середина с достаточной глубиной и хорошей интонацией.

– Да, – с сомнением отвечает Лихуа.

– Ян, бариста из «Лофта», – подмигивает парень, – Я тебе кофе принес.

Очарование момента тут же ломается протянутым стаканчиком кофе и пониманием того, что он пытается с ней познакомиться. На стаканчике его имя, а цифры – номер телефона. Вмиг он уже не такой уж и симпатичный, ямочка на его подбородке дурацкая, клыки слишком торчат, волосы лохматые и неопрятные, да и бледность какая-то несуразная.

– Я не знакомлюсь.

– Почему?

– Это бессмысленно.

– Откуда такая уверенность?

Ее уже начинает раздражать его настойчивость, но Лихуа достаточно терпелива после нескольких лет работы в общепите.

– Опыт, – с намеком надавливает она.

– Бывают и исключения, – позитивно парирует Ян и улыбается.

Улыбка у него кривоватая и странная, но обезоруживающе искренняя. Он не похож на обычного серого москвича, глаза слишком живые и яркие, движения не на автомате, а вдумчивые, осознанные. Лихуа неопределенно хмыкает и снова его обходит, на что Ян настойчиво сует злополучный стаканчик ей в руки.

– Кофе хоть возьми. Я старался.

Все больше раздражаясь, Лихуа, натянув на лицо полуулыбку, перенимает кофе. Ян не успевает обрадоваться, как девушка уже разжимает пальцы и отпускает полный кофе

большой стакан в ближайшую урну. Ее улыбка становится чуть шире, когда Ян заметно удивляется и будто бы слегка расстраивается, сладким голосом она снисходительно тянет:

– Терпеть не могу кофе.

«Бариста, кстати, тоже».

И, развернувшись, направляется обратно в свою «Сверхновую».

Остаток вечера до второго ее перерыва, назначенного, как обычно, в семь часов, проходит без каких-то приключений. Периодически Лихуа продолжает ловить на себе тоскливые взгляды из кофейни напротив, но намеренно не обращает никакого внимания. Сегодня людей совсем мало, это одновременно и скучно, и дает ей возможность подготовиться к сессии. Вообще, читать на рабочем месте не разрешается, но всем, а в особенности Лихуа, на нарушение как-то наплевать.

Ровно в семь часов Лихуа плюхается на скрипящий стул в служебном помещении, аккуратно, чтобы не смазать тушь, потерев уставшее лицо. Полчаса на то, чтобы ничего не делать, не строить из себя приветливость… Практически благодать. Разблокировав экран, Лихуа принимается бесцельно копаться в телефоне, пролистывая новости, пока сверху не всплывает достаточно необычное уведомление.

Пользователь huntyou подписался(–ась) на ваши обновления.

От этого же аккаунта начинают прилетать лайки на немно-

гочисленные фото в ее полумертвом профиле. Природное любопытство подбивает ее открыть приложение, и она тут же видит прилетевшее от него сообщение:

huntyou: Привет)

Фу. Со скобочкой. Лихуа пишет лаконичное:

nolee12: ?

Внизу экрана недолго прыгают три точки, пока этот загадочный профиль печатает и следом отправляет:

huntyou: Ты красивая. Познакомимся?;)

Да что сегодня за день знакомств? И, о, подмигивающий текстовый смайлик. До чего же банально. И чутка старомодно даже.

nolee12: не

Лихуа рубит на корню и сразу, не дав диалогу даже нормально начаться. Ей это не нужно, ей не до этого. Лихуа в отношениях была и знает, что ловить в них нечего. Интереса ради она все-таки заходит в его профиль и едва удерживает себя от того, чтобы закрыть лицо рукой и оставшиеся пятнадцать минут сумасшедше прохихикать в стол. Его профиль нарочито пафосный и откровенно смешной, Лихуа наткнулась на какого-то ловеласа и самовлюбленного придурка. В описании его профиля стоит строчка из песни зарубежной музыкальной группы, вроде бы не так плохо, как заумные цитаты всяких философов (значения которых, конечно,

ставящий даже не пытается понимать), но все еще слишком слащаво.

А вот его фотографии…

Фото, на которых он одет, можно пересчитать по пальцам. Этот парень явно не прочь похвастаться голым рельефным торсом, подкаченными руками и прессом. Пафос мешается с показушностью, на одном из фото изображена его напряженная рука с зажатой меж пальцев тлеющей сигаретой, на следующей черная акустическая гитара. Несколько фотографий с его обрезанным лицом, часть губ и подбородок, половинка левой скулы, но в общем селфи он не выкладывает. Она злорадно думает, что, наверное, личиком он не вышел и поэтому компенсировал это упущение вечерами в спортивном зале. Лихуа смешливо фыркает вслух, наткнувшись на фото, где он слегка приспустил джинсы, чтобы виднелась резинка оригинального белья. Боже, как же это пластилиново и нереально смешно. Лихуа от таких парней перманентно тошнит. От него приходит новое сообщение:

huntyou: Я понял. Больше никакого кофе

И до Лихуа доходит, почему парень на фото кажется ей смутно знакомым. Приходится напрячься, чтобы вспомнить его имя.

nolee12: Ян?

huntyou: Ты запомнила! Я польщен;)

Как он ее умудрился найти? У Лихуа на аватарке даже не

она – старая фотография многоэтажек на фоне розового заката. В фотографиях у нее обветшалый общий балкон в многоквартирном доме, граффити «Достоевский жив» на бетонном заборе, ее ноги в некогда любимых круглоносых ботах и рассвет через двери автобуса. Одна единственная фотография с ее лицом – там она еще школьница, фото размытое, сделанное в метро, пока Лихуа дергано оборачивается к камере. Этого мало, чтобы узнать ее.

huntyou: Что тебе нравится? Чай, кино? Посидим где-нибудь?

nolee12: не

Лихуа не дописывает «т» в слове «нет» и ленится ставить большие буквы. Думает, как от него отвязаться. Такие настойчивые ей попадаются редко, обычно ухажеры отстают после нескольких отказов и кислых лиц, выносить недовольных женщин умеет крайне маленькое количество мужчин. Но Лихуа от и до заросшая иглами, подобраться к ней непросто, а уколоться – очень даже. Остается только ждать, когда уколется Ян и убежит восвояси, подобно другим.

huntyou: Злюка:(

huntyou: Одно свидание.

nolee12: не

huntyou: Умоляю.

nolee12: не

huntyou: Ты ник такой придумала, потому что твое любимое слово «не»?

Лихуа ловит себя на том, что невольно улыбается телефону, пялясь на их переписку. Он смешной. Во всех смыслах, потому что фотографии у него смешные, пишет он какую-то чепуху, настойчивость его смешная, весь он просто смешной. Еще веселее ему отказывать. Отказы всегда смешны, но ее бесит, если после «нет» мужчины злятся. Этот не злится, просто забавно расстраивается.

nolee12: не пиши мне

Лихуа ни в коем случае не собирается заводить привязанностей, а любое общение – это привязанность. Максимум ее социальных взаимодействий – это клиенты в баре, бармен и ее сменщица, иногда соседка и хозяин ее квартиры, раз в полгода преподаватели в университете, но не более. У Лихуа со школьной скамьи не задалось с друзьями.

Школьницей Лихуа оказалась совсем не способна к адаптации. Она плохо понимала окружающих ее сверстников, их разговоры и интересы разительно отличались от ее. В подростковые годы Лихуа была слегка повернутой на книгах, фильмах и аниме, и от этого стала странной для окружающих, отношения с мальчиками ее мало интересовали, разговоры с девочками тоже. Еще ее дразнили узкоглазой, смеялись над ростом – Лихуа с восьмого класса выросла до ста

семидесяти двух сантиметров, была выше всех девочек и некоторых мальчиков. Под левым глазом у нее была родинка, которая по восточным поверьям обещала ей несчастную жизнь. В чем, впрочем, пока не ошиблась. Фигура у нее тоже была какая-то нескладная, слишком худощавая и неловкая. Она ощущала себя странно в своем же теле, и поэтому все глубже погружалась в себя, во внутренний мир и бесконечность чужих вселенных – искала себя в играх, аниме и фильмах, в книгах и музыкальных группах. Единственный, с кем она на тот момент общалась, – это ее интернет-друг. Они практически ничего не знали друг о друге и обращались по никнеймам, иногда играли в видеоигры по сети. Лихуа знала только то, что он жил в другом городе и был ее на три года старше. Но и с ним со временем она потеряла связь.

huntyou: Какая резкая. Если у тебя кто-то есть, скажи напрямую и я отстану.

nolee12: не. я просто не хочу. не пиши мне.

Она могла бы соврать, могла бы написать «да, есть», «я замужем» и все в подобном роде. Но как же раздражает, что женское «нет» не воспринимается всерьез само по себе. Что, если ей хочется отказать, обязательно надо выдумать несуществующего мужа, наличие которого знакомящийся парень заведомо будет уважать больше, чем ее отказ.

huntyou: Ага, просто вредная. Понял.

nolee12: опыт

Опыт.

В шестнадцать лет Лихуа успела вдоволь наиграться в романтику. Ей этой игры хватит еще лет на десять вперед.

И урок она тоже усвоила. Никаких больше обязательств и привязанностей. Близость оказалась слишком прилипчива, слишком желанна, она превратилась в ее слабость, а слабость в этом мире жестоко карается. Больше быть слабой она не хотела и не собиралась.

Из мыслей ее вырывает новое сообщение этого злополучного бариста.

huntyou: Цветы любишь?

Надоел. Лихуа без лишних угрызений совести жмет «заблокировать» и практически сразу забывает. Мало того, что он так нагло вмешался в обычный распорядок ее дня, так еще и напомнил о бывшем, вспоминать о котором Лихуа любила меньше всего.

Выключив экран телефона, Лихуа потягивает спину с тихим «м-м-м» до глухого щелчка в позвоночнике. К ночи «Сверхновая» логично наполняется людьми – кто после работы пришел выпить, кто компанией после универа. Завтра пятница и вечером будет полный зал. Скользя между столиками, Лихуа выполняет все на автомате – одному поставить пива, за шестой стол батарею шотов, симпатичной девушке за вторым молочный коктейль с, кажется, коньяком. Самое

раздражающее в разносе заказов – это принять их у бармена. Он каждый раз норовит тронуть Лихуа за протянутые к коктейлям пальцы, хочет поймать ее руки в свои, а взгляд его перманентно липнет к ее заднице, когда она отходит от барной стойки с подносом в левой.

Краем уха она слушает мелодичный голос их администратора, рассаживающего гостей за остаток свободных столов. Высокий, худощавый, у него длинные русые волосы собраны в низкий хвост, а еще презабавнейшие закрученные усы, как у гусара прошлых веков. Прилежный, тихий и крайне вежливый – Лихуа он сильно забавляет. Может, она очень злая на людей, но ей правда смешно с чужих чудачеств и промашек, может, потому что Лихуа чудачка сама. Или сказалось сомнительное воспитание матери, пытавшейся вылепить из дочери подобие себя. Только вот ее мать оказалась инфантильным ребенком в теле взрослого и не сумела вылепить из дочки буквально ничего, так что Лихуа пришлось самой себя долепливать.

Смену она закрывает довольная: за шестым столиком компания студентов отвесила ей щедрых чаевых за то, что Лихуа вспомнила им на потеху несколько суховатых анекдотов, и подвыпивших ребят они развеселили. Расписавшись на отчетном листе, Лихуа, ни с кем не прощаясь, выходит из бара. К ночи совсем холодно, старое пальто плохо согревает, и она спешит к метро. Первая смена закрыта, завтра вторая и два выходных, график два/два приятен и хорош, она

не успевает должным образом устать. Чаевые это приятный сюрприз, можно взять себе какой-нибудь вкусной и вредной чепухи в супермаркете рядом с домом и порадовать себя под дурацкую комедию.

В метро в полдевятого вечера народ идет на спад, самый час-пик обычно проходит в шесть часов, когда домой возвращаются с офисов. А офисов в Москве миллиарды. Лихуа едет обратно на свое Зябликово, прислонившись виском к поручню, белым шумом играет в наушниках музыка.

Жизнь скучная. Но довольно предсказуемая – и это хорошо. Лихуа не любит резких перемен и изменений, если в ее выверенных днях происходит какой-то сбой, нововведение, если она теряет подвластный ей контроль, то начинает впадать в панику. Такие моменты она ненавидит даже больше, чем бармена в своем баре и подкатывающих мужиков – это полное бессилие, тошнота от себя, что не можешь взять эмоции в руки, когда все скатывается в чертов ступор, из которого нет выхода.

Поэтому одинаковость дней Лихуа полностью устраивает. Пусть и ее будущее совсем непонятное и размытое. Сейчас она на втором курсе, работает, учится. Закончит универ, а дальше… Что дальше, она пока не придумала. Официанткой в баре всю жизнь она не проработает, но думать о том, что будет через три года, – Лихуа лень, да и бесполезно так далеко планировать. Она здесь и сейчас, в остатке этого серого дня, доживает последние несколько часов до того, как от-

ключиться и, как всегда, не увидеть за ночь снов.

В супермаркете возле дома Лихуа берет сырные чипсы и любимый клубничный мармелад. Это ассоциация ее юношества: мать терпеть не могла эти химозные крошечные розовые сладости и запрещала их, а Лихуа азарта ради покупала и покупала, уже привыкнув, не смея исключить из своей жизни эти дешевенькие низкокачественные мармеладки.

Родная однушечка встречает сладкой тишиной и легкой прохладой: Лихуа с утра забыла закрыть форточку. Подоконник теперь весь в мокрых каплях из-за дождя. Она разувается, педантично оставив сапожки сантиметр к сантиметру рядом с другой обувью, пальто аккуратно вешает на крючок. Эта квартирка – ее личный островок, местечко, на которое никто не смеет посягнуть. С виду она достаточно неопрятная, объятая легким творческим хаосом, но у Лихуа своя система порядка, нередко противоречащая сама себе. Обувь у нее всегда чистая и аккуратная, одежда в шкафу сложена по стопкам и структуре, а вот косметичка у нее в настоящем бардаке.

Сначала Лихуа переодевается, оставив черный в серую полоску свитер на стуле, служащем временной вешалкой – это значит, она его завтра снова наденет – а следом бредет в ванную. Второй шаг ежедневного ритуала – смыть макияж; щедро налив гель-умывалку, Лихуа трет глаза, смывая тушь и тени, остатки консилера. Покосившись на сохнущее нижнее белье на батарее, небрежно вытирает руки прямиком о до-

машние хлопковые штаны, клетчатый принт которых выцвел еще несколько лет назад. Только после этих процедур она позволяет себе упасть на постель. Вернее, на матрас, кровати в ее однушке нет, но Лихуа это не волнует. Есть что-то бесконечно уютное в том, чтобы спать на полу, она ласково представляет себе, будто это японский футон.

Телевизор у нее старенький, картинка периодически рябит, а звук шипит, но Лихуа абсолютно все равно на это. На языке растворяется любимый привкус сырных чипсов, стрелка на настенных часах медленно ползет к десяти вечера – в одиннадцать Лихуа обычно отрубается.

Но система, чертов выведенный двоичный код, вновь сбоится с новым уведомлением телефона.

На этот раз сообщение пришло в другом мессенджере, которым Лихуа пользуется чаще остальных приложений. На аватарке она видит часть лица бариста из «Лофта», да и ник похож на тот, что она уже успела заблокировать.

hunty: Завидую, ты заканчиваешь раньше меня:(

Звучит жутко. Он что, следил за ней? Но Лихуа больше рассержена тем, что он прерывает ее ежедневный вечерний ритуал. Что отвлекает от любимых чипсов. От прожигания жизни за просмотром одинаковых предсказуемых шоу.

nolee12: как ты нашел меня?

nolee12: псих

hunty: Лихуя… У тебя везде один и тот же ник. Ты и не старалась скрываться.

Ладно, это имеет смысл. Но она все еще слабо понимает, что ему от нее нужно. Все же ясно – она ему отказала, заблокировала, но либо у Яна нет никакой гордости, либо мозгов. А еще он тоже написал ее имя через «я» и она вредно поправляет:

nolee12: я Лихуа. на конце а

hunty: Упс!

nolee12: что тебе надо

Без вопросительного знака, потому что обойдется.

hunty: Ты интересная.

nolee12: а ты нет

hunty: Грубо. Мне, может, одиноко.

nolee12: правая и левая уже не устраивают?

hunty: Фу, как пошло.

Лихуа снова улыбается телефону, как-то ехидно и злорадно. Надежды на нормальный вечер медленно тают с каждым новым сообщением от него, в какой-то степени Лихуа даже восхищена этой настойчивостью и отсутствием обидчивости. Она так не умеет, поэтому это ее совсем слегка восторгает.

nolee12: ты бесишь. не пиши

hunty: Не.

Передразнивает или цитирует?

hunty: Я понял, на свидание ты не хочешь. Гулять тоже не хочешь. Судя по всему, ты редко ходишь куда-то, кроме дома и работы. Но это ничего, я не против пообщаться и так.

nolee12: кто сказал что я буду с тобой общаться

Уже без запятых, скоро Лихуа перестанет даже пробелы между словами ставить. Диалог похож на шахматную партию, где каждое сообщение – ход, и он сейчас ставит шах:

hunty: Ты уже общаешься)

nolee12: ага и это ошибка. пока

Лихуа с каким-то больным наслаждением нажимает «заблокировать» и кидает чат в архив, с ядовито-довольной улыбкой возвращаясь к недоеденным чипсам. Отшивать людей так приятно, это вновь поднимает ей настроение, и она пару раз даже хихикает над посредственными шутками в реалити-шоу. А потом снова уведомление:

yantumanov: Хватит меня блокировать, это бесполезно.

Да черт.

Никаких надежд.

2. «Быстрее»

Баг.

Ошибка в программе или системе, которая выдает неожиданный или неправильный результат. Обычно возникает из-за оплошностей, сделанных разработчиками программы в ее исходном коде, либо в ее дизайне.

В жизненном коде Лихуа никаких багов не предусматривалось, но сегодняшней ночью система барахлит опять – ей впервые за долгие бессонные ночи снится сон.

Кошмар, а не сон.

Она видит смутное лицо бывшего под закрытыми веками, они стоят на улице под зонтом, по тротуару игриво бьет майский дождь. Почему-то в ее сновидении у него вместо лица – блюр, клякса, не позволяющая припомнить черты. Он театрально фыркает, брезгливо поглядывая на скользящие вдоль дороги ручейки:

– Ну и мерзкая погодка!

Лихуа ему сотни раз говорила, что ей нравится дождь.

– Зайдем в кафе, поедим карбонару, а?

Лихуа – к слову – ненавидит карбонару.

И Лихуа, как последняя тряпка, ему только улыбается. Улыбается сладко, как вычитала в романтичных книжонках, как советовали женские тренера по соблазнению, и согласно-согласно кивает, ныряя ему под бок. Совершенно жерт-

венная и отвратительная любовь. *Пародия* на любовь. От этой ласковой услужливости, приторной идеальности, которой она пыталась следовать, Лихуа в настоящем тянет блевать.

Она просыпается с хриплым вздохом вслух, пару секунд непонимающе глядит в потолок своей однушки, не понимая, где она, что и зачем. Где бывший? Дождь, карбонара?..

Сон, надо же.

Сны людям снятся, если за время бодрствования мозг не успел переварить информацию, а после трансформировал ее в пищу для своих размышлений в фазе быстрого сна. От этого рождаются всякие сюжетные глупости, которые люди, зачем-то, потом пересказывают сонникам, отчаянно ища значение своим фантазиям.

Лихуа сны не снятся потому, что каждый ее день выверенный, информации она ежедневно получает одинаковое количество. Мозгу нечем нагрузиться, и потому ее сны выглядят как «закрыл глаза – открыл». Просто темная заслонка между ночью и утром. Причина находится быстро, Лихуа абсолютно точно знает, кто стал виной ее сегодняшнему кошмару. Кто вновь заставил ее почувствовать себя круглой идиоткой.

Она бросает полный неприязни взгляд на свой телефон, на экране которого со вчерашнего вечера висят непрочитанные уведомления. Ну естественно. Чертов бариста из «Лофта».

Чего он прицепился? Еще и так настойчиво. Лихуа успе-

ла заблокировать его в двух социальных сетях, но он упрямо использует новые аккаунты. После его «Хватит меня блокировать, это бесполезно» Лихуа избрала новую тактику, вторую в списке ее любимых.

Игнор.

Теперь он ежедневно желает ей доброго утра и спокойной ночи, а в течение дня присылает какие-то глупости: мемы, короткие сообщения с вопросом о ее самочувствии, делится своими планами на день, хотя Лихуа его не просила, пишет, что начал смотреть новый сериал и как его бесят главные герои в нем. Отправляет свои глупые фото: кружку с кофе с утра, кофемашину из «Лофта», комнату для персонала, иногда это фотки каких-то черных кошек.

Ответа все нет. Но почему-то Яна это не расстраивает и, что страшнее, он не сдается.

Их однобокое общение держится вторую неделю, Лихуа уже подумывает над тем, чтобы сменить симку и удалить все социальные сети. Ее останавливает только лень и нежелание заново собирать коллекцию смешных видео, терять свои переписки и оповещать родителей, бывших одноклассников и возможно полезных знакомых о своем новом номере. Это неудобно. И она не станет влезать в эти неудобства из-за какого-то кретина. С дебилами она раньше справлялась, справится и сейчас.

Утренний ритуал сборов на работу проходит уже как обычно, без дурацких ошибок и несостыковок. Как обычно

Лихуа чистит зубы, умывает лицо, заколов пряди у лба, как обычно завтракает печеньем с шоколадной глазурью и черным чаем, потому что кофе, как она уже говорила Яну, она ненавидит.

Она подумала сейчас о Яне?..

Лихуа трясет тяжелой головой и продолжает сборы. Сесть у ростового зеркала прямиком на пол, достать косметичку. Направить на свое лицо настольную лампу, под ее светом краситься проще, сразу видны все недостатки. Тон на лицо, консилер на непроходящие синяки под глазами, подкрасить закрученные кверху ресницы. Сегодня есть настроение для серых теней и белых блесток в уголок глаза. На губы только бальзам. Блески ее бесят, потому что в ветреную погоду волосы липнут к губам, а помады – на особый случай. Одеться во что-то невнятное, но удобное, все равно в «Сверхновой» придется переодеваться в форму.

Звякнуть ключами в руке, большим пальцем откинуть брелок в форме ангельского крыла. Запереть дверь, по лестнице со второго этажа на первый…

С утра опять толкучка возле «Лофта». В «Сверхновой» тоже все, как всегда. Клиенты не постоянные, но Лихуа научилась делить людей на типы и категории, поэтому, можно сказать, в баре одни и те же – гламурная девчонка, пьющая только сладкие малоалкогольные коктейли, взрослый мужик с кружкой пива, компания из нескольких человек, пробующая шоты.

– Ты сегодня красотка, Лихуа, – улыбается бармен.

Улыбка у него некрасивая, может, потому что он ее раздражает. Татуированные руки натирают до блеска бокалы достаточно ловко, он, поймав ее мимолетный взгляд, прямо внутри прозрачного стекла разводит пальцы на манер ножниц и игриво имитирует поступательные движения, Лихуа брезгливо морщится и отворачивается.

– Свободна вечером, сладость?

– Пошел ты, Кирилл.

Он играет бровями, улыбка становится только шире, довольнее:

– Заговорила со мной, детка. Да это прогресс…

Она только рада отойти, когда мужчина с пивом поднимает грузную руку и просит повтора.

Первый перерыв привычно в час дня, Лихуа безучастно жует булочку с маком, просто чтобы чем-то набить желудок. От Яна сорок три новых сообщения за прошедшую неделю, ни одно из них она не открыла, максимум – мельком глянула на строке уведомлений, что он там пишет. Игнор кажется чуть действеннее, остается теперь только ждать, когда он потеряет надежду и прекратит писать в никуда. Отшивание его приносит Лихуа какое-то садистское удовлетворение, которое она сама для себя объяснить не может.

Нет, на самом деле – вот это решимость! Лихуа завидует. Лихуа иногда подолгу нервничает, прежде чем отправить одно какое-нибудь рабочее сообщение в чат, не хочет докучать

людям лишний раз, а Ян… Ян вообще не стесняется и не боится докучать ей. Это и восхищает, и приводит в бешенство. Фантастический придурок.

Ей капельку, самую малость любопытно, куда это может зайти. Сдаваться он, кажется, не намерен.

…Зря она об этом успевает подумать – потому что Лихуа снова едва не врезается в высокого парня, как только вечером выходит со смены. От болезненного столкновения ее носа и его груди девушку спасают руки самого Яна, вовремя удержавшие ее плечи. Он приветливо улыбается, а вот Лихуа дергает плечами, сбрасывая его ладони с себя, и морщится, кривится так, словно он ее чем-то испачкал. Точно испачкал – своим неиссякаемым оптимизмом. Лихуа теперь заражена и должна попасть в свою серую квартирку прежде, чем превратится в такую же ходячую мотивационную картинку успешной жизни. Родная обстановка быстро собьет чужеродную спесь и рассеет невидимые карамельные чары.

На Яне под расстегнутым, явно наспех накинутым пальто виднеется рабочий фартук – заканчивает он позже нее на час, это Лихуа уже выучила из его сообщений, которые он пишет *каждый,* каждый чертов вечер, когда она закрывает смену. Она хмурится, вопросительно поднимая одну бровь, но ничего не говорит. Поэтому поясняет Ян:

– Ты не отвечала на мои сообщения, вот я и заволновался. Ты в порядке?

– Угу. Не хотела отвечать, – хмыкает она и обходит его,

направляясь в сторону метро.

А Ян не отстает, молчаливо двигаясь следом. Хорошо, если бы продолжал молчать, но ведь он так не умеет.

– Как твой день? Устала?

Лихуа ничего не отвечает, и они продолжают идти в неловкой тишине, минуя магазины и медленно закрывающиеся кафе. Она предпочитает абстрагироваться и поразмышлять лучше над тем, что будет делать в выходные, а не о семенящем позади нее парне. Со стороны они выглядят забавно, карикатурно: недовольная уставшая Лихуа, у которой на лице плывущей строкой несуществующих субтитров отображается ее истинное отношение к происходящему, и умиротворенный, что-то себе под нос тихо насвистывающий Ян, периодически бросающий на нее тоскливо-заинтересованные взгляды.

Интересно, ему совсем нечем заняться? Так откровенно и нагло покинул рабочее место и преспокойно идет за ней, будто это в пределах нормы.

За поворотом с крошечной шаурмечной на углу виднеется алый знак «М» и спуск в метро. Вокруг вьются люди, занятые своими делами, своими жизнями и событиями, переговариваются друг с другом двое мужчин, молодой и слегка румяный парнишка неловко теребит целлофановую упаковку белых хризантем в своих руках, взрослая и симпатичная, строгая женщина ругается с кем-то по телефону, переходя на повышенные тона. Очаровательная разношерстность, разно-

образие судеб, разворачивающееся у самого обыкновенного места. На подернутом темнотой небе уже проклевываются первые звезды.

Лихуа ступает на каменный порожек, маневрируя между людьми, чтобы скользнуть ко входу, но к ее локтю аккуратно и легко прикасается Ян, напоминая о своем присутствии. Лихуа тормозит, вновь дергая рукой, чтобы избавиться от его прикосновений. Не оборачивается.

– Лихуа… Пойдем на свидание? – спрашивает он тихо, но она, к сожалению, слышит, даже шум города не мешает.

Она глубоко вздыхает, переборов желание закатить глаза.

– А тебе на работу не пора вернуться? У тебя смена не кончилась.

– Плевать. Выкручусь. Только сходи со мной на свидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.